

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 34

Н.И. Порубов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь

ЮРИСТ – ПРОФЕССИЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ

Автор статьи – юрист по образованию – рассказывает о том, кто из знаменитых писателей, поэтов, художников имел юридическое образование либо учился на юридическом факультете, но его не завершил. Представляют интерес страницы о юридической подготовке А.С. Пушкина, роли юриста А.Ф. Кони в области уголовного права, уголовного процесса, этики и судостроительства, роли юриста В.И. Ленина, создавшего социалистическое государство, и о противоположной роли М.С. Горбачева в развале советского государства – сокурсника автора статьи.

The author of the article – a lawyer by profession – narrates about famous writers, poets and artists who had legal education or the faculty of law but did not complete their education. It is to learn legal training of A.S. Pushkin, about the role of A.F. Kony as a lawyer in the role of A.F. Kony as a lawyer in the sphere of criminal law, criminal process, ethics and judicial system, about the role of V.I. Lenin as a lawyer, who created a socialist, and about a contrary role of M.S. Gorbachev – who was a classmate of the author – in the author – in the collaps of the Union state.

Профессия юриста подарила миру много знаменитостей. Так, например, закончили юридические учебные заведения писатели А.Н. Радищев, А.С. Грибоедов, Л.Н. Андреев, поэты А.Н. Майков, Я.П. Полонский, А.Н. Апухтин, художники В.Д. Поленов, М.А. Врубель, Н.К. Рерих, И.Э. Грабарь, А.Н. Бэнуа, М.Д. Добужинский, И.Я. Билибин, В.В. Кандинский, композиторы П.И. Чайковский, А.Н. Серов, И.Ф. Стравинский, певец Л.В. Собинов, художественный критик В.В. Стасов; собирались стать правоведами, но по разным причинам не завершили свое юридическое образование Л.Н. Толстой, А.Н. Осторовский, А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, А.А. Ахматова...

А.С. Пушкин не был юристом, но право, юридическая наука, и практика, история законовения занимали в жизни и творчестве Александра Сергеевича заметное место.

Двенадцатилетним мальчиком его отдали в Царскосельский лицей – учебное заведение, предназначенное для подготовки высококвалифицированных чиновников. Шестилетний курс обучения был многопредметным с четко выраженной философской и юридической направленностью.

Правовая направленность системы обучения объясняется тем, что лицей был открыт по проекту одного из крупнейших юристов XIX в. М.М. Сперанского, руководителя комиссии по составлению «Полного собрания законов Российской империи» в 45 томах и «Свода законов» в 15 томах. Сперанский преподавал в лицее риторику и опубликовал книгу «Правила высшего красноречия». Любимым преподавателем у лицеистов был передовой профессор А.П. Куницын, читавший лекции по «нравственным и политическим наукам». Это ему в 1825 г. Пушкин посвятил строки в стихотворении «19 октября» (день открытия лицея в 1811 г.):

Да здравствуй лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

9 июня 1817 г. выпускникам лицея были вручены свидетельства о его окончании. В свидетельстве Пушкина написано: «Воспитанник Импер. Царского лицея Александр Пушкин в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Естественном, Частном и Публичном, в Российском или Гражданском и Уголовном праве хорошие; Латинской Словесности, в Государственной Экономике и Финансов весьма хорошие».

Пушкин был направлен в Государственную коллегия иностранных дел в чине коллежского секретаря. Из 28 соучеников Пушкина 19 поступили на государственную службу, многие посвятили себя сугубо юридической деятельности. Иван Пуштин занял должность судьи Уголовного

департамента надворного суда в Москве, а Михаил Яковлев дослужился в Министерстве юстиции до должности сенатора.

Пушкин, получив юридическое образование, постоянно интересовался вопросами права, которые отчетливо прослеживаются в его многих художественных и публицистических произведениях. Так, он отрицательно отзывается о пытке как средстве получения показаний от допрашиваемых. Пушкин писал: «Думали, что собственное признание преступника необходимо для его полного обличия, – мысль не только необоснованная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невиновности, то признание и того менее должно быть доказательством его виновности».

Особое место в этом отношении занимает роман «Дубровский», сюжет которого Пушкину подсказал ближайший его московский друг Н.В. Нащокин. Он рассказал А.С. Пушкину об одном белорусском небогатом дворянине, который судился с соседом из-за земли, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, занялся грабежами. В письме к жене из Москвы А.С. Пушкин писал: «Мне пришел в голову роман, и я, наверное, за него примусь». А в письме к Н.В. Нащокину он сообщает: «Честь имею объявить, что первый том... окончен и на днях прислан будет в Москву на твоё рассмотрение. Я написал его в две недели».

Материалом для развития действия явилось рассматривавшееся в Козловском уездном суде в октябре 1832 г. дело. Копию решения суда А.С. Пушкин без переделок, заменив только фамилии на Троекуров и Дубровский, включил во вторую главу романа, вложив в рукопись, даже не переписывая. Решение суда по делу Троекурова и Дубровского является подлинным документом. Судебная процедура изображена классиком настолько юридически точно, профессионально, что по роману можно изучать особенности судопроизводства того времени. Из сравнения текста романа с предварительными планами-набросками видно, что повесть «Дубровский» осталась незаконченной. От работы над ней А.С. Пушкина отвлек замысел романа «Капитанская дочка». И здесь А.С. Пушкин предельно точен в изображении юридической стороны событий, особенно в главах «Арест», «Суд», названия которых напоминают соответствующие разделы Уголовно-процессуального кодекса.

В публицистических очерках А.С. Пушкина видное место занимают государственно-правовые вопросы. Изучив законодательную деятельность Петра I, он заключает: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». А законотворческую деятельность Екатерины II А.С. Пушкин характеризует следующими словами: «Современная история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жесткую деятельность ее деспотизма под личиною кротости и терпимости, народ, угнетенный помещиками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожности в законодательстве».

А.С. Пушкин уделял внимание авторскому праву, литературной собственности, цензуре, требовал запрета безнравственной литературы, где на потребу обывателю описывались подробности убийства, смаковались изощренные зверства, всякого рода криминальные ужасы.

В личной жизни А.С. Пушкин на себе испытал бесправное положение таланта, постоянный полицейский надзор, действие анонимного пасквиля, послужившего причиной дуэли и трагической кончины поэта. В 1927 г. судебный эксперт и инспектор научно-технического бюро Ленинградского губернского уголовного розыска А.А. Сальков дал следующее заключение: «На основании детального анализа почерков на данных мне анонимных пасквильных письмах об А.С. Пушкине и сличении этих почерков с образцами подлинного почерка князя Петра Владимировича Долгорукова я заключаю, что данные мне для экспертизы в подлинниках пасквильные письма об А.С. Пушкине в ноябре 1836 г. написаны несомненно собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым». Исследуя документ почти столетней давности, криминалист Сальков расставил точки в затянувшемся споре литературоведов и историков об авторе грязного пасквиля. Но до сих пор остаются невыясненными детали дуэли: зачем Геккерену (голландскому советнику, неродному отцу Дантеса) потребовалось просить А.С. Пушкина отложить дуэль на две недели? Как могло случиться, что пуля, попавшая в Дантеса, отрикоше-

тила от пуговицы его мундира? Ходила тогда молва, что у Дантеса под мундиром была надета защитная панцирная сетка. Советские криминалисты проверяли эту версию с помощью эксперимента: стреляли из тех же самых пистолетов по пуговицам, но пули не отскакивали, не ricochetили, а пробивали их. Версия о сетке под мундиром пока таковой и остается.

На четвертом курсе мы (студенты юридического факультета МГУ) начали изучать криминалистику под руководством профессора И.Н. Якимова. О нем стоит рассказать более подробно.

Иван Николаевич Якимов, с чьим именем неразрывно связано становление отечественной криминалистической науки, закончил юридический факультет Петербургского университета и в 1911 г. был зачислен кандидатом на судебные должности. Свою криминалистическую деятельность он начал с помощника сыщика в Московском уголовном розыске, затем работал старшим инспектором и консультантом в Центральном управлении уголовного розыска НКВД. В 1947 г. Якимов защитил докторскую диссертацию по теме «Следственный осмотр» и стал вторым доктором наук после Н.В. Терзиева в истории отечественной криминалистики. Когда в 1950 г. на юридическом факультете МГУ открылась кафедра криминалистики, ее первым заведующим был утвержден И.Н. Якимов.

О лекциях этого самородка среди студентов ходили легенды. Восторженно о них отзывался историограф криминалистики И.Ф. Крылов в «Очерках истории криминалистики и криминалистической экспертизы», написав, что «еще живы свидетели ораторского искусства Якимова». Автор этой статьи – тот самый «живой свидетель». Доходило до того, что студенты-юристы выставляли охрану, чтобы любопытные коллеги с других факультетов не заполняли аудиторию, желая послушать интересные лекции по криминалистике. Была тогда такая мода – бегать на лекции, читаемые знаменитостями. Грешен и я: на химическом факультете слушал академика Н.Д. Зелинского – изобретателя противогАЗа, на географическом – автора школьного учебника по экономической географии Н.Н. Баранского. Основные качества их лекторского мастерства – наличие дара общения, способность подчинять слушателей своему благотворному влиянию; внимательность и чуткость, обаяние, доброта, строгость к себе и великодушие к слушателям; безупречная грамотность языка.

В присущей И.Н. Якимову грубоватой форме он буквально завораживал аудиторию. Обычно лекцию свою Иван Николаевич начинал с истории вопроса, с рассказа о том, как было раскрыто то или иное громкое преступление. Отличительная черта его лекций – вербальная наглядность. Таким он и остался в памяти своих учеников – большой, громкий, грубоватый, но отзывчивый и добрый.

Руководство страны внушало нам мысль о том, что с преступностью в ближайшее время будет покончено. В программе КПСС было записано, что в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места преступности, а секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев утверждал: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Мы верили этим заверениям. И, будучи студентом, я наивно полагал, что по завершении учебы в университете мне, юристу, может не найтись работы по специальности, поэтому на четвертом курсе при выборе специализации я избрал кафедру международного права.

Наш выпуск совпал со знаменательной датой в жизни университета – 200-летием со дня его образования. Я взялся писать научную работу на тему «200 лет кафедре международного права». Чтобы ее выполнить, требовалось изучить много исторического материала. А тут – ходячая история, профессор Владимир Эммануилович Грабарь, которому шел 91-й год.

В семье Грабарей профессия юриста была традиционной. Отец, по национальности угрорус, закончил юрфак Пештского университета, занимался адвокатской практикой в Пеште, избирался членом венгерского парламента. Он отдал много сил борьбе против насильственной мадьяризации русского населения Угорщины, входившей в состав Австро-Венгрии, а в 1880 г. эмигрировал в Россию. Семья В.Э. Грабаря поселилась в Москве, где будущий юрист-международник закончил юридический факультет Московского университета, а его младший брат Игорь, будущий художник, – юридический факультет Петербургского университета.

Преклонный возраст не позволял Владимиру Эммануиловичу преподавать и посещать кафедру, но каждое утро с Зубовской площади, где он жил, профессор ходил пешком в «ленинку», где до обеда работал над источниками. Вторую половину дня старик проводил дома.

Я позвонил ему, и он, узнав о цели визита, пригласил к себе. Жил он с женой, которая была моложе его на 30 лет. Но в то время особой разницы уже не чувствовалось. Я был принят этой семьей и стал часто бывать у Грабарей дома. Владимир Эммануилович рассказал мне много интересного, передал материалы, которые я использовал в дипломной работе. При этом он искренне сетовал на молодого квазиученого, который позаимствовал у него рукопись статьи и издал ее под своим именем.

Поскольку я был вхож в семью Грабарей, кафедра мне поручила приветствовать Владимира Эммануиловича от имени студентов в честь его 90-летия. Решил написать приветственный адрес на латыни. С помощью преподавателей исторического факультета подготовил текст и вызубрил его. Торжества проходили в университетском клубе на Моховой. Но перед выходом на сцену меня предупредили, чтобы я приветствовал юбиляра только на русском языке. Возможно, боялись, что по-латыни я скажу какую-нибудь антисоветчину. Мое выступление в такой ситуации оказалось посредственным. На следующий день я пришел к В.Э. Грабарю. Он внимательно просмотрел все подаренные адресные папки и, найдя наш студенческий адрес, написанный по-латыни, до слез был растроган и расцеловал меня...

Профессора юридического факультета были носителями традиций русской интеллигенции, отличались глубокими знаниями, и каждый из них был легендой. Заседания кафедры международного права начинались на русском языке, затем переходили на французский, а заканчивались в качестве неоспоримых доводов изречениями по-латыни.

На каждом курсе из числа профессоров у нас был любимец. На первом – Серафим Владимирович Юшков, автор замечательного учебника по истории государства и права. Каждую лекцию он сопровождал чертежами на доске, наглядно изображая мелом баталии русских войск с иноземцами. На втором курсе мы слушали лекции одного из основоположников уголовного процесса, в высшей степени интеллигента Николая Николаевича Полянского. На третьем – уголовное право нам читал член-корреспондент АН СССР Арон Наумович Трайнин – автор четырехчленного деления преступления на объект, субъект, объективную и субъективную стороны. Когда он читал лекции, мы чувствовали, что вот здесь, перед нами, в этой аудитории творится наука. На четвертом курсе мы влюбились в соавтора советской доктрины международного частного права Ивана Сергеевича Перетерского.

Кафедру международного права возглавлял Федор Иванович Кожевников – член международного третейского суда от СССР. В Москву из Гааги он приезжал дважды в год – на рождественские каникулы и пасхальные каникулы. Поэтому лаборантка кафедры, которая в его отсутствие руководила нами, утверждала, что каждое слово Федора Ивановича стоит 5 рублей. Практическое руководство кафедрой осуществлял доцент Эдуард Мартынович Фабриков, работавший над проблемой международной организации «Красный Крест» и пытавшийся доказать российский приоритет в ее создании. По его мнению, заслуга принадлежит не иностранцам, а русскому хирургу Н.И. Пирогову, впервые высказавшемуся о необходимости создания такой организации. По его просьбе я переворачивал все медицинские труды по хирургии, даже личное дело студента медицинского факультета МГУ Н.И. Пирогова, но так и не нашел ничего подобного.

Сейчас стыдно вспоминать свой максимализм, собственную невоспитанность, которые мы по недопониманию и даже откровенному незнанию иногда проявляли по отношению к этим осколкам старой интеллигенции. Как-то я выходил из туалета, а навстречу на пороге появился Саккетти. Я широко распахнул дверь, чтобы он мог войти, но Саккетти стал объяснять мне, что из общественных мест, коим является туалет, кто-то вначале выходит, а затем в него заходят другие. Этот урок я запомнил на всю жизнь. Или еще пример. Сдавал я экзамен по гражданскому процессу милейшему профессору А.Ф. Клейнману. После ответа по билету он спросил меня, как старосту научного студенческого кружка по международному праву, почему у нас на заседании бывает много студентов, а у него – два-три? Я ответил, что международное право – интересный предмет. «Вы хотите сказать, что гражданский процесс – неинтересный предмет?» – последовал второй вопрос. Я понял, как я обидел старого профессора, у которого сейчас в руках была моя зачетка, и он раздумывал, какую оценку поставить. За мой неумный ответ он, правда, не снизил ее, но урок мне преподавал...

Когда создавалась ООН, в ее уставе важно было определить понятие суверенитета. А.Я. Вышинский дал свою трактовку суверенитета, но она была подвергнута критике профессором Е.А. Коровиным в статье, опубликованной в журнале «Советское государство и право». На кафедре мне поручили пригласить Е.А. Коровина на обсуждение его статьи. Выслушав меня, он поблагодарил за приглашение и сказал доподлинно следующее: «Вы знаете, молодой коллега, что недавно умер Андрей Януарьевич, мною уважаемый ученый. Я не могу полемизировать с

мертвым, поэтому прошу обсудить наши точки зрения без моего личного участия». К сожалению, вопреки христианской заповеди, сейчас стало модным говорить о мертвых плохо.

В Москве, на Воробьевых горах, рядом с высотным зданием МГУ, у гуманитарного корпуса, где находится юридический факультет, установлен бронзовый монумент единственному за все времена русскому юристу – Анатолию Федоровичу Кони – выдающемуся деятелю дореволюционного суда, ученому, блистательному судебному оратору и талантливому писателю.

А.Ф. Кони (1844–1927) – выпускник юридического факультета МГУ, доктор права, общественный деятель и литератор, почетный член Московского университета, почетный академик Петербургской академии наук, член Государственного Совета и законодательных комиссий, председатель Петербургского юридического общества, профессор Петербургского университета, почетный академик изящной словесности.

Деятельность А.Ф. Кони носила прогрессивный, гуманистический характер. Он был сторонником демократических принципов судопроизводства, введенных судебной реформой 1864 г. Талант этого человека многогранен, его научные интересы разносторонни. Большой вклад он внес в область уголовного права, уголовного процесса и судостройства. Среди получивших всеобщее признание криминалистов дореволюционной России он занимает одно из первых мест.

А.Ф. Кони по праву считается основателем юридической этики – профессиональной науки юристов о нравственных основах осуществления правосудия. Его взгляды по этому вопросу изложены в работе «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)», написанной им в 1901 г. и включенной в четвертый том восьмитомного собрания сочинений (М. : Юрид. лит., 1967. С. 33–69).

По мнению А.Ф. Кони, чтение подобного курса должно способствовать нравственному совершенствованию будущих юристов. О том, какое большое значение он придавал идее нравственного воспитания, свидетельствуют его слова, ставшие афористическими: нравственное воспитание должно идти впереди профессионального. Чтобы быть уверенным в своих начинаниях и желая услышать мнение авторитетного для него человека – Льва Николаевича Толстого, А.Ф. Кони, напечатав «Общие основания судебной этики», послал ему отдельный оттиск. «Судебную этику я прочел, – писал Л.Н. Толстой А.Ф. Кони в 1904 г., – и думаю, что эти мысли, исходящие от такого авторитетного человека, как Вы, должны принести пользу судейской молодежи».

На пути к чтению самостоятельного курса судебной этики А.Ф. Кони встретил трудности вследствие противодействия со стороны оппозиционеров, курировавших царскую юстицию, а также в ряде случаев недоброжелательной реакции слушателей, что вызывало у А.Ф. Кони уныние и утрату веры в необходимость своего начинания.

«А.Ф. Кони по праву считается основателем судебной этики, – писал в 1960-х гг. профессор юридического факультета МГУ И.Д. Перлов, – науки, не занявшей еще до сих пор заслуженного ею места».

Таким образом, А.Ф. Кони предложил определение судебной этики, заложил ее основы и предмет – нравственные начала судебной деятельности и этические требования к ее участникам.

Юрист В.И. Ленин создал страну Советов, а юрист М.С. Горбачев развалил могущественное государство. Выступая на Пленуме ЦК КПСС в 1980 г. с докладом об экономической политике, высказал крамольную фразу: «Все, что не запрещено, – разрешено». Это перестроечный лозунг Горбачева. Каждый правитель имел свой лозунг: у В.И. Ленина – «Вся власть Советам!», у Н.С. Хрущева – «Кукуруза – королева полей», у Л.И. Брежнева – «Экономика должна быть экономной». Удивляюсь, как мог М.С. Горбачев, юрист по образованию, бросить такой лозунг. Утверждение о том, что все разрешено не запрещенное законом, применимо только в сфере экономики и то до предела разумного риска. В противном случае наступает административная, финансовая или дисциплинарная ответственность. Но этот тезис распространили на все сферы деятельности, в том числе и на правовую. В результате появилась индустрия запретительного законодательства. Закон будет «жить», если в его структуре имеются все четыре составляющих компонента: 1) разрешающая часть, 2) предписывающая определенный образ поведения, 3) альтернативная, т. е. применяемая в зависимости от конкретной ситуации, 4) запретительная. Одни запретительные меры недействительны. Закон должен быть экономически обоснованным, не противоречить ранее принятым и обеспечиваться принуждением.

С Горбачевым по рождению мы соседи: он – из Ставропольского края, я – из Краснодарского, он – ставропольский казак, я – кубанский, он родом с Северного Кавказа, я – с Черноморского по-

бережья. Нас разделял лишь Кавказский хребет. Он и я приехали с рекомендациями в партию, не успев оформить вступление по месту жительства, так как уехали поступать в университет. На втором курсе его приняли кандидатом в члены КПСС. В результате он уже не был среди нас комсомольцем. На третьем курсе он был принят в члены партии и оказался молодым коммунистом. Распределение получил в прокуратуру. В стране, когда среднее образование не было обязательным, а с высшим были единицы, его, дипломированного московского юриста, вскоре заметили. Так он оказался в горкоме комсомола, затем крайкома, а потом и в партийной иерархии.

Получив страну, будучи самым молодым в ЦК КПСС, он не смог занять лидирующее положение среди первых секретарей ЦК союзных республик, имеющих больший опыт партийной работы, чем секретарь сельхозрайкома, мечтающих занять пост генсекретаря или самостоятельно управлять без указки из Москвы своей вотчиной. Особое противодействие ему оказал Б.Н. Ельцин, одного года рождения с Горбачевым, секретарь Свердловского обкома, претендующий на первую роль, так как, по его мнению, Урал более весомый, чем сельскохозяйственное Ставрополье.

Отношение к Михаилу Сергеевичу у меня двойное – как к человеку и как к лидеру государства.

За развал Советского Союза, уничтожение партии, разнузданную травлю рядовых ни в чем не повинных коммунистов, развязывание национальных войн, уничтожение идеалов следовало бы спросить с него со всей строгостью закона. Мы, прожившие студенческие годы вместе, оказались обманутыми в надеждах своим же сокурсником.

Горбачев начал перестройку без какого-либо понятного жителям страны плана и породил стихийный неуправляемый процесс. Будучи слишком уверенным в себе, он создал оппозицию из ельциных, сахаровых, калугиных, бакатиных, поповых и т. д. Надеялся на поддержку воспитанника юрфака МГУ А.И. Лукьянова, но и тот его подвел в дни ГКЧП, не зная, в какую сторону податься.

Не могу простить Горбачеву, жителю Северного Кавказа, возникших в результате его «перестройки» и развернувшихся там национальной розни, травли русских в Прибалтике, развала могущественной державы. На «перестройке», как на захлавленной стройплощадке, спотыкаешься в большом и малом.

Все началось с материальной заинтересованности, провозглашенной Л.И. Брежневым. Видимо, моя вина, как юриста-профессионала, и вместе со мной всех юристов в том, что в период перестройки не смогли закрыть все лазейки для всплывшей на поверхность богатой нечисти, которая нажилась на мне и мне подобных. Откуда вдруг за столь короткое время в стране-уровниловке появились богатые люди? Уверен, что, работая честно, получая зарплату, нельзя сколотить миллионы, стать олигархами.

И еще один вопрос, который повторяю и не нахожу ответа: кто бы мог знать Горбачева, Ельцина и других перевертышей, если бы они не были членами партии? Так пусть же скажут «спасибо» своей судьбе и не перекрашивают историю в черный цвет.

Мое послевоенное поколение слишком долго пребывало в «коротеньких штанишках», молилось на авторитеты в силу своего воспитания, уважительно относилось к старшим. Старший – это человек, проживший несколько дольше и, возможно, проживший жизнь никчемно, ничему не научившись, ничего не передавший другим. Важно в жизни не молиться, а пробовать себя, подвергать догмы сомнению, чтобы потом не осталось нереализованных возможностей, невосребованного потенциала.

Нам, соученикам М.С. Горбачева, пришлось пережить из-за него неподдельное любопытство и уважение, а затем вместе с ним, словно за него и мы в ответе, – разочарование, неприязнь и отторжение.

Огромную негативную роль в росте преступности, падении нравов, культивировании жестокости сыграли телевидение, пресса, низкопробная детективная литература. Если бы не было преступлений, что бы люди смотрели по телевидению, что бы читали? Это страшно, когда на экране постоянно показывают убийства. Просмотришь такой фильм, и появляется желание выйти на улицу, чтобы пристукнуть первого попавшегося. В средствах массовой информации не стало положительного героя, нормального человека, хорошего труженика, надежного семьянина. Основной герой сегодня – преступник. Так и хочется кричать: «Люди! Остановитесь! Не ведома что творите! Вы словно сошли с ума! Не будьте жестокими – это завещает вам криминалист – специалист в чужом горе, разменявший свою жизнь на борьбу с криминалом. Ведь в песне поется: „Рождались дети от любви нежными“...»

Дата поступления в редакцию: 24.03.2011